

ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ ПЕТРОВНЫ ПАСЕКЪ

(1810—1889)

Чѣмъ дальше мы живемъ, тѣмъ
болѣе объясняется для насъ цѣль жизни
и совершенство ея.

Карамзинъ.

*) Было ясное морозное Февральское утро, одно изъ тѣхъ, которыми такъ рѣдко балуетъ обывателей скупое на появленіе Петербургское солнце.

Еще наканунѣ была оттепель, придавшая сѣрый грязный оттѣнокъ тому, вчера еще мягкому, рыхлому снѣгу, который сегодня, при 10°, морозъ скрипитъ подъ острыми полозьями саней, искрится миллионами разсыпчатыхъ брилліантовъ и блещетъ своей ослѣпительной бѣлизной.

На ясной лазури зимняго неба виднѣются легкія, прозрачныя облачка, грозящія обыкновенно въ концѣ дня превратиться въ большія сѣрыя тучи.

Дышется особенно легко и свободно въ этотъ легкій морозъ, придающій бодрость и быстроту походкѣ прохожихъ, оживляющій здоровымъ яркимъ румянцемъ молодыя и старыя лица.

*) Татьяна Петровна Пасекъ, рожденная Кучина, родственница А. И. Герцена, называвшаго ее своей „Корчевской кузиной“, сверстница и другъ дѣтства его—авторъ записокъ, помѣщенныхъ въ Русской Старинѣ въ семидесятыхъ годахъ—авторъ интересной автобіографіи „Изъ Дальнихъ летъ“, впоследствии издательница, основательница дѣтскаго журнала „Игрушечка“, была женой В. В. Пасека—этнографа, извѣстнаго своими научными трудами, одного изъ представителей украинофильства, товарища и друга Герцена, Огарева, Кетчера и пр. членовъ этого кружка.

Какъ сейчасъ помню я то чудное Февральское утро 1884 года, когда быстрой походкой направлялась съ Владимірскаго проспекта (гдѣ проживала съ родителями) по Знаменской улицѣ, въ домъ по Саперному переулку—30 лѣтъ тому назадъ.

Выписавъ наканунѣ изъ № Нового Времени на маленькомъ клочкѣ бумаги адресъ издательницы „Пгрушечки“, надумалась я со своимъ маленькимъ рассказомъ „Дези“ направиться къ Татьянѣ Петровнѣ Пассекъ.

Не обращая вниманья на уличное движеніе, на частые звонки совершающей по Знаменской улицѣ рейсы конки, не замѣчая прохожихъ, я обдумывала вступленіе своей привѣтственной рѣчи... Настроеніе мое, въ унисонъ погодѣ, было какое-то особенно повышенное, необычайно бодрое.

Но когда я по парадной съ улицы лѣстницѣ поднялась въ 3-ій этажъ и рѣшительно позвонила у дверей указаннаго мнѣ дворникомъ №—мужество покинуло меня, хотѣлось въ тотъ же мигъ бѣжать обратно, безъ оглядки... Но отступленіе было невозможно... Дверь была тотчасъ открыта пожилой женщиной, лица которой я въ полумракѣ передней разсмотрѣть не могла.

Вопросъ мой—„дома ли Татьяна Петровна?“—привелъ ее въ такое изумленіе, что я, растерявшись, нерѣшительно переспросила:

„Могу ли я видѣть Татьяну Петровну?“

„А вотъ, войдите въ прихожую“, отвѣтила она, неторопливо закрывая дверь на лѣстницу.

„Я пойду узнаю. Какъ мнѣ только имъ о васъ сказать“—спросила она, присматриваясь ко мнѣ.

„Фамиліи моей Татьяна Петровна не знаетъ, скажите ей только, что Г. Б., имѣя къ ней маленькое дѣло, очень проситъ принять ее.“

Пожилая женщина (оказавшаяся почтенной нянюшкой внука Т. П.) скрылась за дверью налѣво. Закрытая направо дверь вела, очевидно, въ выходящую окнами на улицу гостинную.—Вѣроятно, не долгое ожиданіе показалось мнѣ вѣчностью. „Уйти развѣ тихонько. не-

слышно открывъ дверь“ мелькнуло у меня въ умѣ въ тотъ мигъ, когда нянюшка съ привѣтливой улыбкой пригласила меня войти.

Комната, изъ передней налѣво, выходящая двумя окнами на дворъ, показалась мнѣ свѣтлой и просторной. Переступая порогъ ее, и два раза отъ смущенія роняла изъ муфты на полъ свой злополучный свертокъ,—разсказъ о Дези.

Противъ стѣны направо, съ ширмами въ изголовьѣ, стояла бѣлая деревянная кровать, на которой я увидѣла лежащую подъ одѣяломъ небольшую худенькую старушку въ ночной кофточкѣ, въ бѣломъ съ широкой оборкой чепцѣ. Мнѣ стало понятнымъ, почему такъ изумилъ нянюшку мой вопросъ—дома ли прикованная недугомъ къ постели ея госпожа.

Слабая, немощная старушка съ выразительными ясными глазами, протянувъ мнѣ съ привѣтливой улыбкой блѣдную, худощавую руку, указала мнѣ жестомъ на стулъ, стоявшій въ ногахъ кровати.

Все то, что я основательно обдумала по дорогѣ и собиралась сказать, при овладѣвшемъ мной сильнымъ смущеніи было безнадежно забыто.

Робко, несмѣло, путаясь въ выраженіяхъ, сказала я Татьянѣ Петровнѣ, что давно знаю ее, люблю ее, какъ издательницу „Игрушечки“, и что мнѣ очень хотѣлось познакомиться съ нею. Я сказала ей, что родители мои были хорошо знакомы и дружны съ семьей Пассекъ, что отъ нихъ я постоянно слышала какъ о ея покойномъ мужѣ, такъ и о братьяхъ его: Помпеѣ, Діомидѣ, Валерьянѣ Васильевичахъ Пассекъ и что карточка одного изъ нихъ, В. В., въ чинѣ Генералъ-Маіора, въ мундирѣ Генеральнаго Штаба, съ типичной прической*), съ оригинальною надписью—повынѣ занимаетъ почетное мѣсто въ нашемъ семейномъ альбомѣ.

Снисходительная привѣтливая улыбка моей собесѣдницы настолько ободрила меня, что я, совершенно овладѣвъ собой, спокойно завела рѣчь о дядѣ своего отца Генералѣ-Лейтенантѣ, Генералѣ-Вагенмейстерѣ Аѳанасіи Даниловичѣ Соломко, который хорошо зналъ семью Пассекъ.

*) Съ густыми прядями зачесанныхъ на вискахъ волосъ, типичной прической времени Императора Александра I, въ несуществующемъ нынѣ мундирѣ Академіи Генеральнаго штаба.

При упоминаніи имени моего дѣда, лицо Т. П. прояснилось и оживилось.

„Царство небесное доброму, дорогому Аѳанасію Даниловичу“, съ волненіемъ въ голосѣ проговорила она.—„Не забуду я никогда того благодаренія, которое оказалъ онъ всей нашей благодарной ему семьѣ Пасекъ..... Мы его еще молодымъ знали по Петербургуну, да мало ли кого знать приходится, а между тѣмъ, когда довелось ему съ Императоромъ Александромъ I побывать въ Сибири,—онъ самъ вспомнилъ опальнаго Пасека... Онъ не побоялся за него, впаваго въ немилость, замолвить доброе слово. Добрь, но горячъ и вспыльчивъ былъ Государь. Хорошо изучивъ нравъ его, Аѳанасій Даниловичъ сумѣлъ въ добрый часъ пробудить чувство жалости, состраданія къ несчастному ссыльному, бывшему въ тяжелой разлукѣ съ близкими. Съ опасностью навлечъ на себя гнѣвъ царскій за свое ходатайство, онъ доставилъ изгнаннику разрѣшеніе вернуться на родину. Много было и въ то время и позже¹⁾, добавила она со вздохомъ, такихъ опальныхъ и по винѣ иной разъ маловажной, и по недоразумѣнію, которымъ не суждено было вернуться на родину.“

Она заговорила объ изгнанникѣ, своемъ племянникѣ и другѣ дѣтства Герценѣ,—который умеръ на чужбинѣ 9-го Января 1870 г. на 68 году жизни, еще полный силъ и энергіи.

Продолжительный разговоръ видимо утомилъ ее. Не желая злоупотреблять вниманіемъ пріятливой старушки, которой тяжелы были воспоминанія далекаго прошлаго, я сказала, что принесла свой маленькій рассказъ „Дези“, который очень хотѣла бы видѣть помѣщеннымъ на страницахъ „Игрушечки.“

„Прочитайте его... Я послушаю. Надо прежде всего, чтобъ рассказъ вашъ понравился строгому критику того возраста, для котораго онъ предназначенъ. Сережа, голубчикъ, подойди-ка сюда“ —сказала она, приподнявшись на кровати, обращаясь къ маленькому 6-тилѣтнему мальчику съ большими живыми глазами и густыми темными волосами, такъ безшумно перебиравшему кубики на крайнемъ окнѣ, которое мнѣ почти не было видно за краемъ ширмы, что я не замѣтила его присутствія.

¹⁾ Намекая на умершаго 9 Января 1870 г. отъ воспаления легкихъ въ Парижѣ— А. И. Герцена.

Этотъ маленькій въ то время Сережа, какъ я узнала впоследствии, былъ тотъ самый любимый внукъ Сергѣй Владиміровичъ, которому Татьяна Петровна посвятила съ красивымъ предисловіемъ *) свой литературный трудъ „Изъ дальнихъ лѣтъ.“

Сережа тотчасъ оставилъ кубики. Онъ церемонно поклонился мнѣ, ловко при этомъ шаркнувъ ножкой, и съ достоинствомъ занялъ мѣсто передъ небольшимъ плетенымъ столикомъ на такомъ же низенькомъ, дѣтскомъ креслицѣ. Поодаль, сложивъ руки на передникѣ, прислонясь къ окну, стояла небольшого роста плотная нянюшка съ головой, повязанной (на подобіе головного убора мѣщанокъ и дьячихъ) шелковой темной косынкой.

Въ присутствіи престарѣлой Татьяны Петровны, пожилой нянюшки и малолѣтняго Сережи былъ, 30 лѣтъ тому назадъ, съ волненіемъ прочитанъ мной первый мой рассказъ *Дези*.

„А развѣ есть на самомъ дѣлѣ такая собачка? И гдѣ она?“—спросилъ Сережа, видимо заинтересованный продѣлками хорошенькой болонки.

„Написано хорошо“,—отозвалась одобрительно Т. П.—„Кажется, что и Сережѣ понравился вашъ *Дези*. А что, дружокъ, понравился ли тебѣ рассказъ про собачку, такъ забавно игравшую съ кукольной повозочкой.“—

Благопріятный отзывъ мальчика съ большими, красивыми глазами окончательно ободрилъ меня.

„Пишете вы хорошо—есть у васъ слогъ, видѣнъ нѣкоторый навыкъ. Откуда онъ у васъ, еще такой юной и малоопытной?“

Сказавъ Татьянѣ Петровнѣ, что я съ семилѣтняго возраста непрерывно, аккуратно веду дневникъ, я убѣдительно, какъ только умѣла, просила ее принять „*Дези*“ для напечатанія въ „Игрушечкѣ.“

*) „Другъ мой Сережа! Приближаясь къ концу своей жизни, встрѣтила тебя вступающаго въ жизнь. Свѣтлый взоръ твой, твоя невинная улыбка воскресили въ душѣ моей давно забытую радость и я съ чувствомъ счастья и благодарности къ небу—кладу у твоей младенческой колыбели мои воспоминанія „Изъ дальнихъ лѣтъ.“—Т. Пасекъ. 1878 г.

„Слаба, немощна, какъ видите, стала я,—работать нѣтъ силъ. Свое дѣтище „Игрушечку“ я передала въ умѣлыя руки, своей уважаемой преемницѣ Г. Толивѣровой. Интересоваться ею продолжаю какъ прежде. Журналъ, сами вы знаете, какой маленькій—ранѣе принятаго матеріала набралось такъ много, что его станетъ на нѣсколько лѣтъ. Принять „Дези“ я готова, но ждать очереди придется вамъ очень долго—я понимаю васъ—вамъ хочется поскорѣе увидѣть его въ печати. Жаль мнѣ огорчить васъ отказомъ помѣстить его въ этомъ году. Я понимаю, какъ необходимы вамъ для дальнѣйшей работы поддержка, поощреніе съ моей стороны и мнѣ жаль огорчить васъ еще потому, что вы внучка незабвеннаго Аѳ. Дан. и, слѣдовательно, какъ бы не чужая мнѣ.

„Хорошо было бы—добавила она послѣ краткаго раздумья—помѣстить рассказъ вашъ въ „Задушевномъ Словѣ.“ Издается оно сыномъ извѣстнаго нѣкогда книгопродавца Маврикія Осиповича Вольфа—сыномъ его Ал. Мавр., но редактируетъ и ведетъ журналъ основательница его, Софія Марковна Макарова. Побывайте у нея, передайте поклонъ; скажите, что вашъ рассказъ понравился мнѣ и что я послала васъ къ ней.“

Продолжительный разговоръ, повидимому, утомилъ ее. Я поспѣшила встать, поблагодарить и удалиться. Она протянула мнѣ на прощаніе свою маленькую худощавую руку. „Работайте, продолжайте писать, не смущаясь неудачами; легко, безъ труда въ жизни ничто не дается. Тернистымъ путемъ достигали славы и великіе писатели“—добавила она. Я направилась къ двери: „Прочтите непременно сами свой рассказъ С. М., такъ лучше будетъ“, сказала она мнѣ вслѣдъ. Я еще разъ поклонилась и уходила, глубоко тронутая и взволнованная привѣтомъ и лаской почтенной издательницы „Игрушечки.“ Участъ „Дези“ казалась мнѣ обезпеченной.

Не по годамъ степенный Сережа такъ же ловко шаркнулъ мнѣ ножкой и на прощанье. Привѣтливая старая нянюшка, выйдя проводить меня въ переднюю, неторопливо, какъ то не сразу, открыла на лѣстницу ту тяжелую дверь, къ которой всего часъ тому назадъ подходила я съ такимъ трепетомъ.

Я поспѣшно вышла на улицу. Не такъ уже ярко, какъ раньше, сіяло скупое на лучи зимнее солнце. Плывшія по небу прозрачныя, легкія облачка успѣли собраться въ болѣе плотныя, съ сѣроватымъ отбѣнкомъ, тучи, которыя заслоняли по временамъ солнечные лучи.

По твердому снѣжному покрову мостовой плавно скользили сани, оставляя позади блестящій слѣдъ полозьевъ; скрипѣлъ снѣгъ подъ ногами. Занятая мыслью о судьбѣ „Дези“, глубоко тронутая вниманьемъ Т. П., слова которой—„не смущайтесь неудачами: въ жизни легко ничего не дается“—звучали у меня въ ушахъ. Я шла быстро, не чувствуя холода.

Снова дождавшись яснаго морознаго дня, я отправилась по указанному Т. П. адресу къ издательницѣ „Задушевнаго Слова“ Софіи Марковнѣ Макаровой.

Пришлось воспользоваться двумя конками, сначала той, что по Литейному проспекту черезъ Владимірскую площадь доходитъ по Загородному до зданія Технологическаго Института, затѣмъ съ пересадкой и непродолжительнымъ ожиданіемъ по другой, идущей на Балтійскій вокзалъ.

Трудно было мнѣ, совершенно незнакомой съ мѣстностью. очутившись на одной изъ самыхъ отдаленныхъ ротъ Измайловскаго полка, найти дорогу къ тому Городскому Училищу на Рижскомъ проспектѣ, которымъ завѣдывала Софія Марковна.

Подходя къ дому, указанному мнѣ издали какимъ-то прохожимъ изъ мастеровыхъ, я уже не испытывала того страха и волненія, какъ при посѣщеніи Т. П. Ея благопріятный отзывъ о „Дези“, ея привѣтъ Софіи Марковнѣ придали мнѣ уже извѣстный апломбъ.

Быль 4-ый часъ. Классы въ училищѣ только что окончились: я встрѣтила на улицѣ группы дѣтей, нагруженныхъ тетрадями и книгами. С. М. послѣ утомительныхъ классныхъ занятій, вѣроятно, только что успѣла войти въ свое помѣщеніе, какъ открывшая мнѣ дверь прислуга вошла доложить ей о посѣщеніи какой-то незнакомки, фамилію которой ей не удавалось сразу запомнить.

Софія Марковна небольшого роста, пожилая—съ свѣжимъ здоровымъ румянцемъ на кругломъ лицѣ, обрамленномъ гладко зачесанными, сѣдыми, совершенно бѣлыми волосами—съ живыми, ясными глазами и привлекательной улыбкой, привѣтливо встрѣтивъ меня послѣ переданнаго ей отъ Т. П. поклона—усадила меня возлѣ себя на маленькомъ диванѣ, передъ столомъ, заваленнымъ №№ „Задушевнаго Слова“ и дѣтскими книгами въ нарядныхъ переплетахъ.

Я смѣло, не смущаясь, не робѣя, попросила разрѣшенія прочесть ей свой рассказъ. Небольшой, живообразный, онъ, повидимому, понравился ей.

„Оставьте его мнѣ; я даю слово помѣстить его въ одномъ изъ ближайшихъ №№ „Задушевнаго Слова“, вѣроятно, въ Мартѣ. Я передамъ его самому Александру Маврикіевичу Вольфу и скажу ему, что въ лицѣ вашемъ приобрѣла новую юную желательную сотрудницу для нашего журнала. Принесите еще, что есть у васъ. Пишите, примѣняясь къ требованіямъ и понятіямъ дѣтскаго возраста, главное какъ можно короче, естественнѣе, проще. Вообразите себя снова той же маленькой дѣвочкой, какой вы были еще такъ недавно. Зайдите недѣльки черезъ двѣ, тогда „Дези“ вашъ будетъ уже напечатанъ въ „Задушевномъ Словѣ“, тогда же я сообщу вамъ объ условіяхъ, на которыхъ и впредь будутъ приниматься редакціей ваши рассказы. Вы ихъ сами будете читать мнѣ, руководствуясь моими указаніями, которыя принесутъ вамъ, какъ начинающей, большую пользу.“

Она говорила съ оживленіемъ, какъ-то особенно красиво картавя. Я покидала Софью Марковну очарованная ея милой, доброй улыбкой, ея привѣтливостью. Въ ея присутствіи я чувствовала себя такъ легко и свободно, какъ будто бы давно была знакома съ нею.*)

Дома я рѣшила ничего не говорить до полученія того № „Задушевнаго Слова“, на страницахъ котораго съ иллюстраціями въ текстѣ долженъ былъ быть напечатанъ мой первый рассказъ.

Полученіе въ Мартѣ 1884 года той книжки журнала для младшаго возраста, въ которой маленькими рисунками были иллюстрированы забавные эпизоды изъ жизни бѣлой болонки „Дези“, баловня и любимца всей нашей семьи, составило эпоху въ моей жизни.

Своею радостью, своимъ торжествомъ я поспѣшила подѣлиться съ Г. П. Мнѣ хотѣлось самой отнести ей Мартовскую книжку „Задушевнаго Слова.“

*) С. М. Макарова получила вполнѣдствіи въ свое завѣдываніе Городское Училище, помѣщавшееся на Милліонной въ большомъ высококомъ домѣ, неподалеку отъ Эрмитажа, гдѣ по субботамъ вечеромъ собирались у нея друзья и родные, и гдѣ я познакомилась съ ея дочерью и зятемъ Н. Н. Турчаниновымъ, помощникомъ Грессера (тогда полиціймейстера).

Стояла оттепель... Сыро и мрачно было на улицѣ... Съ крышъ сильно капало... На тротуарахъ стояли большія лужи воды. Еще недавно чистый и бѣлый снѣгъ на мостовой превратился въ какую-то рыхлую сѣрую массу, и тяжела была ѣзда въ саняхъ по булыжной, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно обнаженной, мостовой. Длиннымъ и утомительнымъ показался мнѣ путь по Невскому и Знаменской... Тяжело было дышать въ туманной мглѣ, окутавшей столицу какой-то густой, непроницаемой дымкой.

Смѣло и рѣшительно позвонила я у знакомой двери 3-го этажа. Нескоро на этотъ разъ открыла ее мнѣ знакомая нянюшка.

„Татьяна Петровна у насъ совсѣмъ разболѣлись—сказала она печально—вовсе ослабѣли... беспокоить ихъ теперь совсѣмъ невозможно.“

Я выразила свое искреннее соболѣзнованіе, привѣтъ, пожеланіе выздоровленія: я просила передать благодарность; сказать, что С. М. одобрила рассказъ и уже помѣстила его въ Мартовской книжкѣ.

„Передамъ, передамъ, будьте спокойны, не забуду“, говорила старушка, пожелавшая при прощаньѣ всякаго благополучія.

Татьяну Петровну потомъ мнѣ довелось видѣть много позже. Она жила въ то время въ квартирѣ своего родственника¹⁾ Пашкова, въ зданіи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ на Дворцовой площади.

Я застала ее, какъ и при первомъ знакомствѣ, на постели въ большой комнатѣ, выходящей двумя окнами на площадь, показавшейся мнѣ, можетъ быть, вслѣдствіе поздняго часа (3 часа²⁾), какой-то особенно мрачной.

Я нашла Т. П. очень измѣнившейся. Голосъ ея показался мнѣ болѣе слабымъ, и мнѣ казалось, что потускнѣлъ взглядъ тѣхъ ясныхъ глазъ, въ которыхъ свѣтились умъ и энергія, и порой столько добродушія и ласки.

Она какъ-то не сразу узнала меня, а когда я напомнила ей о себѣ, выразила удовольствіе по поводу того, что я работаю въ „Задумшевомъ Словѣ“ и продолжаю писать.

„Помогай Вамъ Богъ. Помогать начинающимъ я всегда рада... Рука у меня, видно, легкая.“ Слабымъ, прерывающимся голосомъ заго-

1) Какъ мнѣ кажется, племянника своего.

2) Это было зимой, не помню когда именно.

ворила она о смерти. „Я не боюсь ея“—добавила она. „Дорогой другъ мой Александръ Герценъ, которому надо было бы еще пожить, сошелъ въ могилу на 68-мъ году отъ роду. Онъ былъ много моложе меня; одинъ за другимъ отошли въ вѣчность мои близкіе. Изъ сверстниковъ моихъ въ живыхъ никого не осталось... Пришелъ и мой чередъ.“ Она провела по лбу рукой, какъ бы стараясь что-то припомнить.

Воцарилась тишина. Мы были одни.... Сережа и его нянюшка на этотъ разъ отсутствовали. Я встала, воспользовавшись паузой, которая была для меня томительной и тяжелой.

Жизнь медленно угасала въ этомъ слабомъ, немощномъ, нѣкогда добромъ духомъ тѣлѣ.

Я подошла къ изголовью и съ благоговѣніемъ прикоснулась губами къ блѣдной, холодной рукѣ, отвѣтившей мнѣ на поцѣлуй слабымъжатіемъ. Я сознавала, предчувствовала, что вижу въ послѣдній разъ черты добраго, привѣтливаго лица и поспѣшно направилась къ двери.

„Помогай Вамъ Богъ—будьте счастливы и здоровы“, сказала Т. П., когда я подошла къ порогу. Я еще разъ обернулась и поклонилась на прощанье.

Меня не было въ Петербургъ въ 1879 году, когда скончалась Татьяна Петровна. Я не могла присутствовать при ея погребеніи, чтобъ вмѣстѣ съ ея родными, друзьями, почитателями отдать послѣдній долгъ замѣчательной, многострадальной женщинѣ, которой, вслѣдствіе того, что пришлось самой въ жизни много выстрадать, были такъ близки, такъ понятны страданья и скорби другихъ.

За прожитыя съ того времени 30 лѣтъ—было такъ много пережито, продумано, выстрадано, что позабытымъ оказалось много и изъ того, что казалось важнымъ, значительнымъ; но въ памяти живо сохранилось воспоминаніе о томъ ясномъ морозномъ днѣ, въ который рѣшилась участь моего перваго, понавнаго въ печать разсказа—этой новой эры въ моей жизни, съ которой началась моя литературная Одиссея.

Въ 30-ти лѣтнюю годовщину своей непрерывной скромной литературной дѣятельности я приношу даръ горячей признательности памяти Т. П. Пасеевъ и С. М. Макаровой, протянувшимъ руку помощи своему юному, безвѣстному коллегѣ по перу.

М. Барданова.